

Бабенко Л.І.

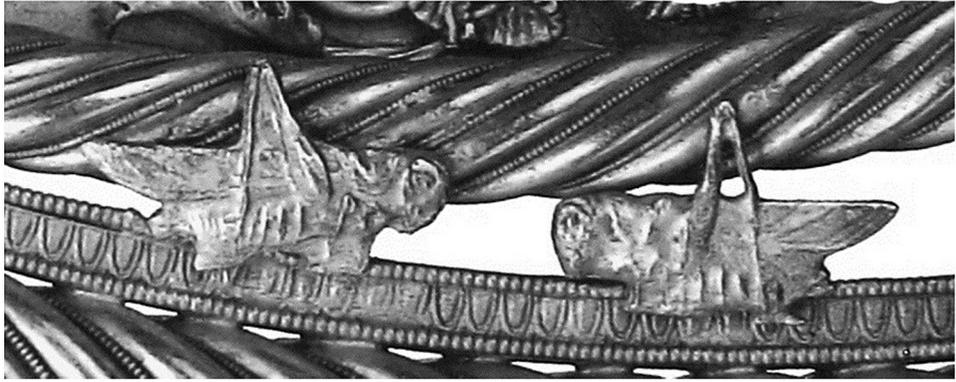
О КУЗНЕЧИКАХ ЗОЛОТОЙ ПЕКТОРАЛИ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Золотая пектораль из Толстой Могилы является одним из наиболее выдающихся шедевров греко-скифской торевтики. Решению проблем семантики представленных здесь образов и сюжетов исследователи уделяли пристальное внимание, которое, однако, было распределено крайне неравномерно. Самое большое разнообразие мнений высказано по поводу толкования смысла центральной сцены и участвующих в ней персонажей¹, а также образов и сюжетов верхнего и нижнего фризов. Гораздо меньше внимания было уделено среднему, «растительному», фризу, еще меньше – малозаметным персонажам на периферии композиционного пространства пекторали. К последним можно отнести и две пары обращенных друг к другу кузнечиков, замыкающих по обе стороны нижний фриз (рис. 1: 1, 2).

Еще Б.Н. Мозолевским, получившим консультацию сотрудника Института зоологии АН Украины В.М. Ермоленко, была отмечена разнополость каждой пары насекомых, их несоразмерность с фигурами других персонажей, а также использование при их изготовлении иной техники – не скульптуры, а рельефа².

По мнению Д.С. Раевского, разнополость кузнечиков подтверждает связь образов нижнего пояса с идеей порождающих функций природы, что полностью согласуется с трактовкой кузнечика в античной культуре, как существа, связанного с землей и ее богинями, т.е., с тем же поглощающим и порождающим началом. В то же время состав персонажей нижнего фриза (за исключением трех центральных групп) – от льва и тигра до крылатых насекомых – соответствует иерархическому ряду населяющих Землю существ в древнеиндийских источниках («Чхандогья упанишада», VI, 9, 3, и VI, 10, 2), что могло отражать «стремление мастера и заказчика выразить идею всеобъемлющего характера процесса умирания во имя возрождения, подвластности ему всех земных существ»³.

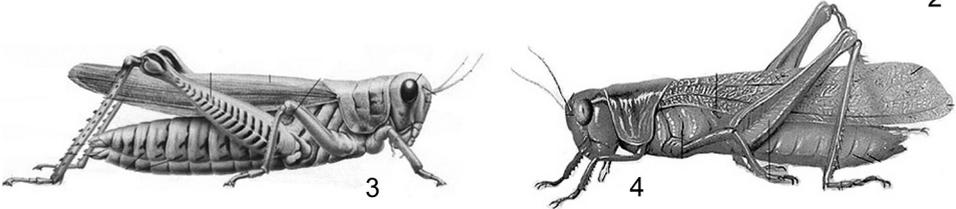
Целый набор различных интерпретаций, связанных с данными персонажами, предложил В.Ю. Михайлин. Безмятежность и отсутствие динамизма, присущее паре кузнечиков, равных «по «породе» и статусу», исследователь рассматривал в контексте нарастания «агональности» сцен нижнего фриза от края к центру. Параллельно с нарастанием агональности, от края к центру нижнего фриза происходит нарастание семантики возраста и воинского статуса, переданных посредством различных жертвоприношений. В этом контексте В.Ю. Михайлин предлагает трактовать кузнечиков – добычу, доступную маленькому ребенку – как маркер «детского» статуса, предшествующего отроческой стадии. Также готовность неподвижных кузнечиков к мгновенному и дальнему прыжку может олицетворять агональную и быстротечную воинскую судьбу.

1

2

3

4

Рис. 1

Семантика кузнечика, возможно, связана и с традициями аттической культуры, где этот персонаж воспринимался как символ автохтонности – «земля родит траву, трава родит кузнечиков». Также семантически значимой могла быть связь кузнечиков с «жертвенной» травой⁴.

Ю.Б. Полидович интерпретирует направление композиции нижнего фриза от центральных сцен к периферии, как отступление смерти (терзание-нападение-погоня) и уменьшение напряжения. В этом контексте «брачные пары самца и самки кузнечиков» символизируют «тему жизни», заместившую «тему смерти», а их размещение на нижнем, а не верхнем, фризе следует объяснить принадлежностью кузнечиков к существам нижнего (внешнего) мира⁵.

Ф.Р. Балонов обратил внимание на то, что в древнегреческом языке слова «кузнечик» и «жрец», «пророк» являлись омонимами – древне греч. $\rho\acute{\alpha}\nu\tau\iota\zeta$. Это, по мнению исследователя, позволяет объяснить находки изделий с изображением кузнечика (помимо пекторали из Толстой Могилы упомянуты перстень из Большой Близницы с вырезанным на нем миксаморфным персонажем с нижней частью, в виде туловища кузнечика и подвеска в виде личинки кузнечика из 4-го Семибратного кургана) в комплексах, которые автор связывает со жреческими захоронениями⁶.

Необходимо также отметить отсутствие среди исследователей полного единодушия в определении вида насекомых. Так, по мнению известного британского археолога и искусствоведа Джона Бормана на пекторали из Толстой Могилы изображена саранча (англ. *Locust*)⁷. Следует заметить, что кузнечики (рис. 1: 4) по внешнему виду действительно очень похожи на саранчу (рис. 1: 3) и лишь специалисту-энтомологу уловимы едва заметные различия между двумя видами этих насекомых. Чтобы рассеять сомнения, мы обратились к крупнейшему специалисту по прямокрылым насекомым доктору биологических наук, профессору, заведующему кафедрой общей биологии и экологии Новосибирского государственного университета М.Г. Сергееву, которым была проведена повторная атрибуция насекомых, расположенных по краям нижнего фриза пекторали. Ниже приводится выдержка из заключения М.Г. Сергеева⁸:

«...с полной уверенностью сказать сложно – все-таки изображения несколько генерализованы... Поэтому и для специалиста не все просто. Но в целом я склоняюсь к тому, что это именно кузнечики, причем самец и самка. Почему кузнечики – по габитусу – удлиненные и достаточно изящные задние конечности с бедрами, несколько пережатыми в центральной части, лапки конечностей выглядят удлиненными, голова, скорее, голова кузнечика..., да и крылья как-то больше похожи. Но перечисленные черты в какой-то степени субъективны. Классических признаков – длинные усики, длинный яйцеклад у самки – не видно. Но усики вообще не показаны, а вот что касается яйцеклада, то мне кажется, что у одной из особей в паре видно его основание, то есть такое впечатление, что яйцеклад был обломан рядом с основанием, поэтому основание сохранилось и отображено довольно точно. У второй особи в паре такого явно нет, зато видны длинные церки. То есть, это означает, что особь «с обломанным яйцекладом» – самка, а с заметными церками – «самец»».

Однако в попытках исследователей найти приемлемое объяснение резкому диссонансу между завершающими композицию нижнего фриза пекторали двумя парами кузнечиков и остальными его персонажами, и сюжетами, стержневой идеей которых является тема смерти, осталась без внимания одна серия изделий. Обращение к ней позволит более полно приблизиться к пониманию места и значения данных персонажей в общей композиции пекторали.

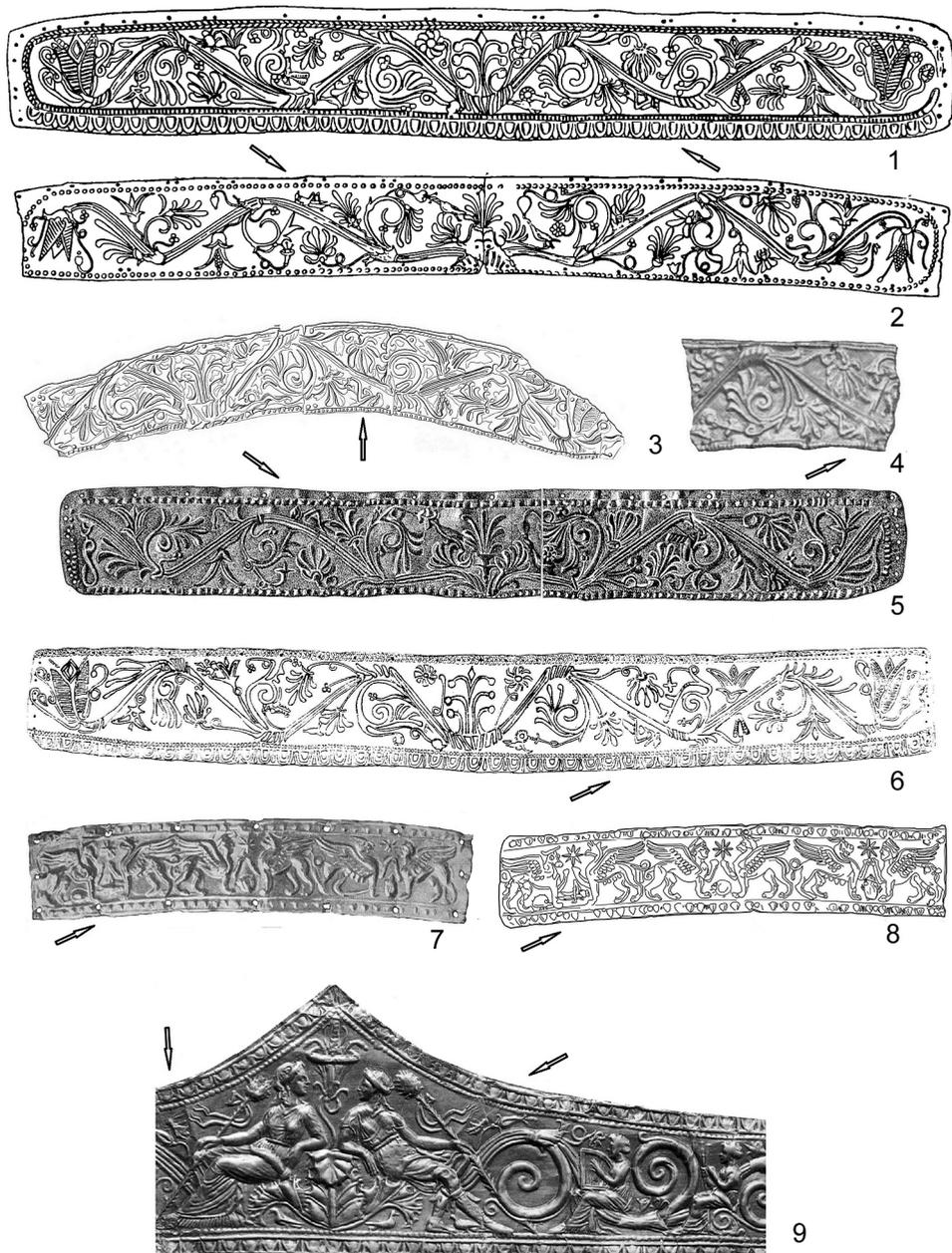

Рис. 2

Речь идет о нескольких золотых пластинах и метопидах, являющихся украшением женских парадных головных уборов, которые содержат изображение кузнечика. Почти во всех случаях кузнечики входят в состав схожих между собой растительных композиций с центральной пальметтой, от которой извилисто выются побеги аканфа,

пальметты, цветки лотоса и арацеи. Подобные пластины происходят из Чертомлыка⁹, (4 экз.)¹⁰ (рис. 2: 1–3), Толстой Могилы (рис. 2: 5)¹¹, кургана № 8 группы «Пять братьев» Елизаветинского курганного могильника (рис. 2: 4)¹² (3 экз.)¹³, погребения 1 кургана № 8 Песочинского могильника (рис. 2: 6)¹⁴. Также кузнечиков на растительных побегах можно увидеть на диадеме из Мадитоса (?) (рис. 2: 9). Исключение составляют золотые пластины парадных головных уборов из кургана № 22 у совхоза Красный Перекоп (4 экз.) (рис. 2:7)¹⁵ и кургана № 6 у с. Водославка (рис. 2:8)¹⁶, на которых изображение кузнечика было помещено под восьмилучевой звездой между фигурами грифоно-быка и грифона. Таким образом, на известных изделиях торевтики по меньшей мере в десяти случаях кузнечик помещен в сюжет растительной композиции, что свидетельствует о несомненной связи этих двух изобразительных образов. Это позволяет предполагать наличие подобной связи между кузнечиками и средним фризом пекторали, композиционный сюжет которого близок указанным пластинам головных уборов.

Показательно, что и верхний фриз пекторали обрамлен по обе стороны фигурками птиц, т.е. персонажами, также не вписывающимися в контекст его стержневых идей – жизни, рождения, кормления молоком и т.д. Как и кузнечики, птицы тесно связаны с композицией среднего фриза. Об этом бесспорно свидетельствует, прежде всего, содержание самого среднего фриза пекторали, на растительных побегах которого размещены фигурки пяти птиц, а также их широкая репрезентативность на тех же золотых пластинах головных уборов, как в сочетании с кузнечиками, так и без них¹⁷.

Следовательно, понимание значения и функций периферийных персонажей нижнего и верхнего фризов пекторали неразрывно связано с семантикой среднего фриза пекторали. О растительном побеге среднего фриза пекторали, как воплощении мирового дерева (одной из функций которого является связь между различными зонами мироздания) говорили многие исследователи¹⁸. Трактовка среднего фриза пекторали как своеобразной буферной зоны, через которую единственно возможен переход между зонами смерти и жизни, ибо «прежде чем обрести свое новое состояние, жертва должна «стать травой», «умереть и взойти»», была обоснована В.Ю. Михайлиным¹⁹. Таким образом, не стоит, пытаясь истолковывать семантику и кузнечиков, и птиц на краях верхнего фриза, обязательно согласовать их с доминирующими сюжетами нижнего и верхнего фризов. По-видимому, они, являясь персонажами, связанными со средним фризом, исполняли функции своеобразного медиатора, призванного обеспечить связь между различными зонами пекторали.

Нельзя также исключать, что перемещение персонажей среднего фриза – птиц и кузнечиков – на периферию нижнего и верхнего фризов было продиктовано соображениями эстетики. Необходимость как можно более полного заполнения фигурами луновидных по форме фризов – максимально широких посередине и предельно сужающихся к концам – требовала решить проблему «зияющих пустот» на концах фризов.

Поместить туда фигуры уже имеющихся персонажей, не нарушив хотя бы условной их соразмерности и не допустив при этом выхода их за пределы границы фриза, было совершенно невыполнимой задачей. В то же время проблему можно было легко разрешить, переместив со среднего фриза миниатюрные фигурки птиц и насекомых, идеально вписывающихся в самое узкое пространство фризов.

Примечания:

- ¹ Бабенко Л.И. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // Древности 2013. Харьков, 2013. С. 111–113
- ² Мозолевський Б.М. Товста Могила. К., 1979. С.83.
- ³ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С.192, 193.
- ⁴ Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. 170.
- ⁵ Полидович Ю.Б. Пектораль – символ жизни и смерти // Журнал о металле. 2006. № 3–4 (9). С. 83.
- ⁶ Балонов Ф.Р. Кузнечики в греческой ювелирной пластике Северного Причерноморья // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого коллоквиума (14–18 апреля 2009). СПб, 2009. С.16. В этом контексте примечательно достаточно широкое распространение изображений кузнечиков на золотых пластинах женских парадных головных уборов (о чем пойдет речь ниже), традиционно являющихся одним из ярких атрибутов именно жреческих погребений.
- ⁷ Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. Princeton, 1994. P. 210.
- ⁸ Выражаю искреннюю признательность М.Г. Сергееву за оказанную консультацию.
- ⁹ Древности Геродотовой Скифии: Сборник описания археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб, 1872. Вып. II. Табл. XXXVI, 5, 8; XL, 23.
- ¹⁰ Подсчет количества золотых пластин с изображением кузнечика из парадных головных уборах Чертомлыка на основе опубликованных данных (Боровка Г.И. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. 1921. Т.1. С.180, таблица; Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1. С.34–37; она же. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4. С.52, 53, табл.3; 4; Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К., 1991. Кат.113, 122, 128, 136) весьма затруднителен. Используя эти данные, О.В. Лифантий насчитала 9 пластин с изображением кузнечика (Лифантий О.В. Два типа довгих пластин головных уборов скифов із зображеннями комах // Магістеріум. 2015. Вип.60: Археологічні студії. С.74, 75, табл.1; 2), что представляется явно завышенным числом даже при общем взгляде на чертомлыцкие уборы. Это подтверждает и более тщательный анализ приведенных данных. Так, самым репрезентативным по данным О.В. Лифантий был убор II (по Т.В. Мирошиной), кат.122, насчитывающий 4 пластины с кузнечиками. Но приведенные параметры пластин (длина 10,2, 10,5, 2×5 см) не дают никаких оснований утверждать, что на каждом из столь коротких фрагментов должен быть кузнечик. К тому же данные из статьи Т.В. Мирошиной приведены не совсем точно (вместо двух пластин по 5 см там наличествуют две по 15 см), а сам убор II (по Т.В. Мирошиной) соответствует не кат.122, а кат.136 и составлен

он из пластин только с зооморфным орнаментом (Мирошина Т.В. Некоторые типы... – Табл. 3, 4). Наиболее достоверный ответ о количестве пластин с изображением кузнечика в составе чертомлыцких головных уборов можно получить при непосредственном осмотре самих уборов. Для уточнения этой информации я обратился к заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексееву и получил необходимые данные, которые привожу ниже (выражаю искреннюю признательность А.Ю. Алексееву за неизменное внимание и доброжелательность к моим просьбам). Головной **убор I** (кат. 113) – верхний ярус убора представлен пластиной (изображение одного кузнечика) из двух частей общей длиной 36 см (рис. 2: 2), дополненной по обе стороны двумя короткими фрагментами (5,9 и 7 см), вырезанных из правой части пластины такого же штампа, но не содержавших изображений насекомых. Можно с большой вероятностью предполагать, что изначально эти фрагменты являлись частью аналогичной пластины, содержавшей в своей полной изобразительной версии такой же набор насекомых. Однако едва ли корректно гипотетически учитывать их при общем подсчете насекомых на чертомлыцких пластинах, так как совершенно неизвестно, где, когда и по каким причинам состоялась обрезка данной пластины. Головной **убор II** (кат.136) – пластины с изображением кузнечиков отсутствуют. Головной **убор III** (кат.128) – метопида длиной 36 см (рис. 2: 1, изображение одного кузнечика). Головной **убор IV** (кат.122) – верхний ярус убора представлен двумя пластинами (длиной 24,5 и 24,7 см), по штампу аналогичных метопиде головного убора кат.128, но без орнаментальной полоски из полей и обрезанных примерно на треть – одна с левой, вторая с правой стороны (рис. 2: 3). На каждой из этих пластин присутствует по одному кузнечику. Таким образом, изображение кузнечика наличествует всего на четырех золотых пластинах парадных головных уборов из кургана Чертомлык.

¹¹ Мозолевский Б.М. Вказ. праця. С. 127–129, рис. 110. По определению аспиранта Института зоологии С.В. Корнеева, на которое ссылается в своей работе О.В. Лифантьев, на метопиде из Толстой Могиле изображен «коник родины сарановых (*Acrididae*)», т.е. кузнечик из семейства саранчовых (Лифантьев О.В. Вказ. праця. С. 72). Однако, по данным современной научной классификации кузнечики и саранча объединяются только в рамках таксона отряда прямокрылых. Далее их ветки расходятся. Кузнечики принадлежат к подотряду длинноусых прямокрылых, надсемейству кузнечиковых, представленным в настоящее время единственным одноименным семейством *кузнечиковые (Tettigoniidae)*. А саранчовые относятся к подотряду короткоусых прямокрылых, надсемейству саранчовые, образующих несколько семейств, среди которых есть и семейство *настоящие саранчовые (Acrididae)*. Потому классификационное определение «кузнечик из семейства саранчовых» представляется некорректным.

¹² Скрипник Т.А. Головной убор скифянки из Елизаветинского курганного могильника // Донская археология. 1999. № 2. С. 77, рис. 1, 1; фото 1.

¹³ Орнамент верхней полосы убора аналогичен чертомлыцким пластинам кат.122 и метопидам – кат.128 и песочинской. Полоса состояла из 6 фрагментов общей длиной 51,4 см. Т.е., для достижения искомой длины, как и в чертомлыцких уборах, необходимо было использовать как минимум вторую пластину. На фотографии из публикации Т.А. Скрипник (Указ. соч. Рис. 1, 1) выложен ряд

этих пластин из пяти фрагментов, из которых два (третий и четвертый) содержат изображения кузнечика. Отсутствующий на этой иллюстрации шестой фрагмент полосы частично виден на всех фотографиях реконструкции убора, где он расположен справа от центрального фрагмента (*L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie Europe VIe siecle av. J. C. IVe siecle apr. J. C. Musee Cernuschi musee des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars – 15 juillet 2001. Paris, 2001. P. 116, cat. 81*). Сопоставив наличествующий на нем орнамент с изобразительным полем пластин этого типа и зная его длину – 9,5 см (Мирошина Т.В. Некоторые типы... – С. 48. Табл. 1), легко вычислить, что и этот фрагмент содержит изображение кузнечика. Таким образом, для составления полосы верхнего ряда парадного головного убора из кургана № 8 группы Пять братьев Елизаветинского могильника были использованы фрагменты, вырезанные из трех полос, причем ни одна полоса не была использована полностью. При этом фрагменты с кузнечиками попали в этот ряд со всех трех полос.

- ¹⁴ Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Х., 2005. С. 122, рис.15, 1; фото 12.
- ¹⁵ Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981. Рис.30.
- ¹⁶ Ліфантій О.В. Вказ. праця. Рис. 1, 3.
- ¹⁷ Ліфантій О.В. Зображення птахів на довгих пластинах головних уборів // Археологія та давня історія України. 2015. Вип. 2 (15). С. 94–100.
- ¹⁸ Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 144, 145; Раевский Д.С. Указ. соч. С.232; Gebauer J. Rankengedanken – zum Pectorals aus der Tolstaja Mogila // Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster. 24–26. November 1995. Münster, 1997. S. 147–160. и другие. Еще А.П. Мачинский (Указ. соч. С. 145) композицию среднего фриза пекторали связывал с образом женского божества. В этом случае показательно отмеченное выше сходство растительных орнаментов среднего фриза и серии метопид, являющихся элементом именно **женских** головных уборов.
- ¹⁹ Михайлин В. Указ. соч. С. 34, 35, 117, 174.